

1 ФЕВ 1987

ПРАВДА

КИСТЬ И ЛИРА

В морских пейзажах — стихи Пушкина

Не удивляйтесь, если в эти дни в Большом зале галереи имени И. К. Айвазовского вы вдруг услышите аккорды симфонической картины Н. Римского-Корсакова «Океан-море синее», или анданте Ратмира из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки, или щемящие звуки вальса Г. Свиридова к фильму «Метель». Идут репетиции концерта в честь А. С. Пушкина.

Сам Айвазовский пристроил к своему дому просторный зал для выступлений музыкантов, драматических коллективов. Ведь в Феодосии не было тогда ни театра, ни помещений, где бы играл оркестр. Люди с радостью шли в галерею послушать приезжих знаменитостей — музыкантов А. Рубинштейна и Г. Венявского, артистов Малого театра К. Варламова и Н. Сазонова.

И вот забытые было музыкально-драматические вечера вернулись к феодосийцам. В зале с отличной акустикой в пушкинский вечер прозвучат не только симфонические и фортепьянные произведения, но и стихи, романсы поэта, посвященные морю. Среди исполнителей — преподаватели и воспитанники Феодосийской музыкальной школы.

Пушкин и Айвазовский... Не случайно два великих имени стоят рядом на пригласительных билетах. Поэт и художник встречались друг с другом, их творчество объединяла любовь к гордой, непокоренной стихии.

В сентябре 1836 года на выставку в Академии художеств пришли Александр Сергеевич с Натальей Николаевной. Гостям понравились картины Айвазовского «Облака с Ораниенбаумского берега» и «Группа чухонцев на берегу Финского залива», за которые художнику была присуждена золотая медаль.

Айвазовскому запомнилось оживленное лицо поэта, рассматривавшего полотна. Пушкин удивлялся, как это художнику, жившему на берегах Черного моря, южанину, удалось так впечатляюще правдиво раскрыть суровые краски северной природы. Художнику было приятно, с каким вниманием вглядывалась в его произведения Наталья Николаевна. Он оставил потомкам описание облика красивой женщины, не забыл даже ее одежды: платье черного бархата, корсаж с кружевами, палевая соломенная шляпа со страусовым пером. Кто знает, может, хотел написать ее портрет.

...Вместе с сотрудницей галереи Татьяной

Гайдук проходим в мастерскую живописца. Казалось бы, окно должно было выходить на море — рядом с домом волны плещут. А здесь из окна виден лишь двор, свет как бы приглушен, не слышно морского прибоя.

— Художник обладал необычайной зрительной памятью, — поясняет искусствовед. — Он отошел от натуры, писал по воображению. «Движение живых струй неуловимо для кисти, — отмечал Иван Константинович. — Писать молнию, порыв ветра, всплеск воды — немислимо с натуры».

В центре мастерской — мольберт. Как-то Айвазовского просили назвать самую лучшую свою картину. Ответил: «Та, что стоит на мольберте, которую я сегодня начал писать...»

— В памятные пушкинские дни, — говорит Татьяна Гайдук, — мы решили поставить на мольберт полотно «Лунная ночь у взморья. Константинополь».

У картины любопытная судьба. Долгое время не знали, где она находится. Холст поступил в Феодосию из частного собрания москвича. Айвазовский написал картину в 1847 году и тогда же подарил ее вдове Пушкина Наталье Николаевне и пометил: «Январь, 1847 год» — десять лет со дня гибели поэта.

...Картина излучает радостные тона. Золотистый свет луны озаряет все вокруг, искрится спокойное море. Смотришь, и вспоминаются стихи: «Блестит луна, недвижно море спит». Чуть ли не каждому полотну Айвазовского можно дать эпиграф из поэтического наследия Пушкина.

«После той встречи на выставке, — писал живописец, — и без того любимый мой поэт сделался предметом моих дум, вдохновений». Айвазовский написал около десяти картин, посвященных Пушкину. Одну из них — вместе с И. Е. Репиным. «Пушкин Репина — чудо живописи... А моря на картине немного, но оно кажется необъятным», — восхищался тогдашний рецензент.

Айвазовский писал Пушкина в последнюю пору своей жизни. Впечатление такое, что сюжет новой вещи художник подбирал, перечитывая стихи поэта.

Вот Пушкин на вершине Ай-Петри. Блеснул первый луч. Поэт снял шляпу, приветствуя рождение дня. Вот Пушкин у серых скал Гурзуфа — «Прекрасно море в бурной мгле и небо в блесках без лазури». Лирическим настроением влечет к себе картина, изображающая поэта вместе с Марией Раев-

ской у Кучук-Ламбата: «Как я завидовал волнам, бегущим бурной чередой с любовью лечь к ее ногам! Как я желал тогда с волнами коснуться милых ног устами».

Эти полотна разобщены по разным хранителям. Если их собрать вместе, они стали бы прекрасной иллюстрацией к путешествию Пушкина с семьей Раевских по берегам Тавриды в 1820 году: «Как я любил твои отзвuky, глухие звуки, бездны глас и тишину в вечерний час, и своенравные порывы!»

Далеко не все произведения собраны под одной крышей Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского. За свою долгую жизнь Иван Константинович создал шесть тысяч произведений. Но вершина творчества живописца находится здесь, занимая чуть ли не всю стену Большого зала.

За два года до смерти он закончил свой шедевр «Среди волн». Возле картины всегда много зрителей. Подошла группа студентов, смотрят, не отрывая глаз. А потом началось что-то вроде дискуссии: какое пушкинское произведение больше подходит к картине? Читают стихи — нет, не то... Очередь дошла до юноши. Подумал немного, декламирует: «Когда подымет океан вокруг меня валы ревучи, когда грозою грянут тучи, — храни меня, мой талисман». То! — решили студенты. Наверное, этот лирический шедевр Пушкина «Храни меня, мой талисман» вдохновил тогда старого живописца. Он писал разъяренное море, как бы смотря на стихию глазами поэта.

Чуть ли не все пространство полотна занимают могучие волны, оставляя на горизонте лишь узкую полоску грозового неба. Сквозь свинцовые облака сверкнул луч, сразу же поглощенный пучиной. Разве есть силы, способные справиться с гигантским накатом. Волны сталкиваются, высекают кипящие брызги. Кажется, что художник исследовал каждый изгиб летящей волны, познал во всем многообразии кружевные пенистые узоры.

Приблизились к холсту, увидели тонкий слой красок, сквозь них светятся тончайшие штрихи белого грунта. Мастер иголкой прорисовывал мельчайшие брызги, и они замерцают над бешеными волнами.

Эту картину любил Иван Константинович, не вывозил ее из Феодосии. Завещал вместе с другими творениями родному городу.

В. МОЛЧАНОВ.
(Спец. корр. «Правды»).

г. Феодосия.

ПРАВДА 1987, - 1 февр. - с. 6

КИСТЬ И ЛИРА

В морских пейзажах — стихи Пушкина

Не удивляйтесь, если в эти дни в Большом зале галереи имени И. К. Айвазовского вы вдруг услышите аккорды симфонической картины Н. Римского-Корсакова «Океан-море синее», или анданте Ратмира из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки, или щемящие звуки вальса Г. Свиридова к фильму «Метель». Идут репетиции концерта в честь А. С. Пушкина.

Сам Айвазовский пристроил к своему дому просторный зал для выступлений музыкантов, драматических коллективов. Ведь в Феодосии не было тогда ни театра, ни помещений, где бы играл оркестр. Люди с радостью шли в галерею послушать приезжих знаменитостей — музыкантов А. Рубинштейна и Г. Венявского, артистов Малого театра К. Варламова и Н. Сазонова.

И вот забытые было музыкально-драматические вечера вернулись к феодосийцам. В зале с отличной акустикой в пушкинский вечер прозвучат не только симфонические и фортепьянные произведения, но и стихи, романсы поэта, посвященные морю. Среди исполнителей — преподаватели и воспитанники Феодосийской музыкальной школы.

Пушкин и Айвазовский... Не случайно два великих имени стоят рядом на пригластительных билетах. Поэт и художник встречались друг с другом, их творчество объединяла любовь к гордой, непокоренной стихии.

В сентябре 1836 года на выставку в Академии художеств пришли Александр Сергеевич с Натальей Николаевной. Гостям понравились картины Айвазовского «Облака с Ораниенбаумского берега» и «Группа чухонцев на берегу Финского залива», за которые художнику была присуждена золотая медаль.

Айвазовскому запомнилось оживленное лицо поэта, рассматривавшего полотна. Пушкин удивлялся, как это художнику, жившему на берегах Черного моря, южанину, удалось так впечатляюще правдиво раскрыть суровые краски северной природы. Художнику было приятно, с каким вниманием вглядывалась в его произведения Наталья Николаевна. Он оставил потомкам описание облика красивой женщины, не забыл даже ее одежды: платье черного бархата, корсаж с кружевами, палевая соломенная шляпа со страусовым пером. Кто знает, может, хотел написать ее портрет.

...Вместе с сотрудницей галереи Татьяной

Гайдук проходим в мастерскую живописца. Казалось бы, окно должно было выходить на море — рядом с домом волны плещут. А здесь из окна виден лишь двор, свет как бы приглушен, не слышно морского прибоя.

— Художник обладал необычайной зрительной памятью, — поясняет искусствовед. — Он отошел от природы, писал по воображению. «Движение живых струй неуловимо для кисти, — отмечал Иван Константинович. — Писать молнию, порыв ветра, всплеск воды — немислимо с натуры».

В центре мастерской — мольберт. Как-то Айвазовского просили назвать самую лучшую свою картину. Ответил: «Та, что стоит на мольберте, которую я сегодня начал писать...»

— В памятные пушкинские дни, — говорит Татьяна Гайдук, — мы решили поставить на мольберт полотно «Лунная ночь у взморья. Константинополь».

У картины любопытная судьба. Долгое время не знали, где она находится. Холст поступил в Феодосию из частного собрания москвича. Айвазовский написал картину в 1847 году и тогда же подарил ее вдове Пушкина Наталье Николаевне и поместил: «Январь, 1847 год» — десять лет со дня гибели поэта.

...Картина излучает радостные тона. Золотистый свет луны озаряет все вокруг, искрится спокойное море. Смотришь, и вспоминаются стихи: «Блестит луна, недвижно море спит». Чуть ли не каждому полотну Айвазовского можно дать эпиграф из поэтического наследия Пушкина.

«После той встречи на выставке, — писал живописец, — и без того любимый мой поэт сделался предметом моих дум, вдохновений». Айвазовский написал около десяти картин, посвященных Пушкину. Одну из них — вместе с И. Е. Репиным. «Пушкин Репина — чудо живописи... А моря на картине немного, но оно кажется необъятным», — восхищался тогдашний рецензент.

Айвазовский писал Пушкина в последнюю пору своей жизни. Впечатление такое, что сюжет новой вещи художник подбирал, перерчитывая стихи поэта.

Вот Пушкин на вершине Ай-Петри. Блеснул первый луч. Поэт снял шляпу, приветствуя рождение дня. Вот Пушкин у серых скал Гурзуфа — «Прекрасно море в бурной мгле и небо в блесках без лазури». Лирическим настроением влечет к себе картина, изображающая поэта вместе с Марией Раев-

ской у Кучук-Ламбата: «Как я завидовал волнам, бегущим бурной чередой с любовью лечь к ее ногам! Как я желал тогда с волнами коснуться милых ног устам».

Эти полотна разобщены по разным хранителям. Если их собрать вместе, они стали бы прекрасной иллюстрацией к путешествию Пушкина с семьей Раевских по берегам Тавриды в 1820 году: «Как я любил твои отзвuky, глухие звуки, бездны глас и тишину в вечерний час, и своенравные порывы!»

Далеко не все произведения собраны под одной крышей Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского. За свою долгую жизнь Иван Константинович создал шесть тысяч произведений. Но вершина творчества живописца находится здесь, занимая чуть ли не всю стену Большого зала.

За два года до смерти он закончил свой шедевр «Среди волн». Возле картины всегда много зрителей. Подошла группа студентов, смотрят, не отрывая глаз. А потом началось что-то вроде дискуссии: какое пушкинское произведение больше подходит к картине? Читают стихи — нет, не то... Очередь дошла до юноши. Подумал немного, декламирует: «Когда подымет океан вокруг меня валы ревучи, когда грозой грянут тучи, — храни меня, мой талисман». То! — решили студенты. Наверное, этот лирический шедевр Пушкина «Храни меня, мой талисман» вдохновил тогда старого живописца. Он писал разъяренное море, как бы смотря на стихию глазами поэта.

Чуть ли не все пространство полотна занимают могучие волны, оставляя на горизонте лишь узкую полоску грозового неба. Сквозь свинцовые облака сверкнул луч, сразу же поглощенный пучиной. Разве есть силы, способные справиться с гигантским накатом. Волны сталкиваются, высекают кипящие брызги. Кажется, что художник исследовал каждый изгиб летящей волны, познал во всем многообразии кружевные пенные узоры.

Приблизились к холсту, увидели тонкий слой красок, сквозь них светятся тончайшие штрихи белого грунта. Мастер иголкой прорисовывал мельчайшие брызги, и они замерцали над бешеными волнами.

Эту картину любил Иван Константинович, не вывозил ее из Феодосии. Завещал вместе с другими творениями родному городу.

В. МОЛЧАНОВ.

(Спец. корр. «Правды»).

г. Феодосия.